

ПУБЛИКАЦИИ

НОВЕЙШИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ВЕНГЕРСКОЙ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Публикуемая статья представляет краткий отчет о важнейших результатах работ венгерских археологов в последние годы. Предварительно нам кажется необходимым коротко остановиться на развитии венгерской археологии после освобождения Венгрии. Продолжительное время после освобождения венгерские специалисты продолжали работать по-старому и на основе старого метода, без единого плана, каждый по своей узкой теме. Когда народная власть окончательно укрепилась, партия и правительство создали в целях реорганизации научной жизни Венгерский научный совет, далее последовала реорганизация Венгерской Академии наук. В результате в венгерской археологии произошли изменения в двух направлениях:

1. В 1949 г. был разработан государственный план для единого руководства археологическими исследованиями, затем в 1950 г. параллельно с разработкой пятилетнего плана развития народного хозяйства нашей страны был разработан пятилетний план Венгерской Академии наук и, в том числе, пятилетний план венгерской археологии.

2. Венгерские археологи поставили своей задачей покончить со старыми методами археологических исследований, которые рассматривали археологию как «науку вещеведческую», а не историческую.

В связи с этими изменениями венгерские археологи обратили особое внимание на изучение результатов советской археологической науки. Нет нужды перечислять многочисленные проблемы венгерской археологии, разрешение которых связано со знанием археологии Советского Союза. Укажем только проблему изучения древнейшей истории венгерского народа. Разрешение этих задач без знания достижений советской археологической науки было бы бесплодной попыткой. С 1949 г. венгерские археологи более интенсивно изучают достижения советской науки. Этюды, статьи и дискуссионные материалы, переведенные на венгерский язык и имеющие принципиальное значение, хорошо известны венгерским исследователям. Однако в области творческого усвоения марксистско-ленинской методологии мы еще находимся на начальном этапе нашей работы. Это выражается в том, что в деятельности наших специалистов главное место занимает собирание материалов и их публикация, а исторический анализ оттесняется на задний план. В этом отношении мы стараемся исправить положение углубленным изучением марксизма-ленинизма и проведением методологических дискуссий. Конечно, нарисованная нами картина была бы односторонней, если бы мы не отметили, что, особенно в последнее время, венгерские археологи в нескольких статьях, главным образом опубликованных в *Acta Archaeologica*, предприняли шаги, чтобы марксистски разрабатывать проблемы, относящиеся к истории нашей родины.

Как уже было отмечено, нашу работу за 1950—1954 гг. определяет пятилетний план. Сверх того, археологи должны обследовать территории больших строек и спасать обнаруженные там археологические памятники. Эта работа из года в год требует все больших усилий от исследователей.

В нашем первом пятилетнем плане стояла задача разрешить многие важные проблемы, начиная с палеолита вплоть до венгерского средневековья. Уже при состав-

лении плана мы подчеркнули значение изучения материальной культуры древнего славянского населения, исследованием которой в прошлом тенденциозно, по политическим соображениям, пренебрегали, хотя это население в этногенезе венгерского народа играло значительную роль. Не менее важны археологические изыскания в области венгерского средневековья.

Для изучения палеолита первоочередной задачей венгерской археологии было исследование пещер горы Бюкк — для стратиграфических проверок старых раскопок и разведок самых древнейших следов человека. В этой области заслуживают внимания раскопки в пещере Ишталлошке в горах Бюкка, о первых успехах которых уже сообщил Л. Вертеш, научный сотрудник Исторического музея¹, и исследование случайно обнаруженного памятника у села Ловаш, в области к западу от Дуная.

Пещера Ишталлошке в горах Бюкка, расположенная в северной части страны, считалась самой известной ориньякской стоянкой в Венгрии. В 1947—1948 и 1950—1951 гг. Л. Вертеш провел в этой пещере новые исследования. Важнейшими результатами раскопок первых двух годов были: расчистка ориньякского очага *in situ* и открытие погребения черепов пещерных медведей.

Уже при этих раскопках выяснилось, что в пещере имеются и нижние, ранее неизвестные, слои. Богатый материал, обнаруженный при раскопках пещеры Ишталлошке, был разработан двенадцатью специалистами на основе комплексных методов. Результаты этих работ в ближайшее время будут опубликованы, мы упомянем только главные выводы.

Находки в пещере Ишталлошке относятся к двум слоям ориньякской культуры. Временем Ориньяк I датируется очаг, возле которого археологи нашли 45 каменных орудий и 114 костяных, среди последних около 50 костяных ориньякских наконечников. Некоторые особенно маленькие наконечники подтверждают использование человеком лука уже в эту эпоху.

Эпоху Ориньяк I в Венгрии хронологически можно определить началом межледникового периода Вюрм I, тогда как эта же культура во Франции существовала в эпоху Вюрм II. Венгерские исследователи предполагают переселение народа, являющегося носителем данной культуры, с востока на запад. В этой связи находки в пещере Ишталлошке очень важны, так как вместе с найденными на болгарских стоянках наконечниками они подтверждают иммиграцию ориньякского человека в Европу с юго-востока, через Балканы.

В ясно выделяющемся верхнем культурном слое было обнаружено 109 изделий из камня; среди них имеются характерные ориньякские предметы, а также находки, напоминающие мустьерские каменные орудия. И среди этих орудий все еще отсутствуют массивные скребки, а резцов здесь найдено совсем небольшое количество. Кроме того, было также найдено 29 костяных орудий. В этом слое уже не было ориньякских наконечников, а были представлены орудия, которые считаются характерными для раннего ориньякского времени. Вертеш называет эту культуру Ориньяк II и предполагает, что она возникла в южной части Средней Европы из местной мустьерской культуры и, распространяясь, воздействовала местами на Ориньяк I.

Вторым важным результатом раскопок в Ишталлошке было доказательство того, что в Венгрии солотрейская культура (в том ее варианте, который представлен в пещере «Seleta») и ориньякская культура существовали одновременно, а именно — «протосолотрейская культура» с Ориньяком I, а «классическая солотрейская культура» с Ориньяком II.

В 1951—1952 гг. в западной части нашей страны, на плато к северу от оз. Балатон, в окрестностях села Ловаш директор одного провинциального музея, Дьюла Месарош, открыл палеолитическое местонахождение большой ценности. Он обнаружил в триасовом доломите в двух ямах костяные орудия (около 100 экземпляров), служившие, очевидно, для разработки находимого здесь лимонита — красного материала, приме-

¹ Л. В е р т е ш, Новые раскопки в пещере на Ишталлошке, *Acta Archaeologica, Acad. Scientiarum Hungaricae*, т. I, вып. 1—2, стр. 15—34.

нявшегося в качестве краски. Публикация этой находки подготавливается Д. Месарошом и Л. Вертешем. Половина поразительно красивых костяных орудий была изготовлена из костей гигантского оленя (*Megaceros*), некоторые орудия — из костей

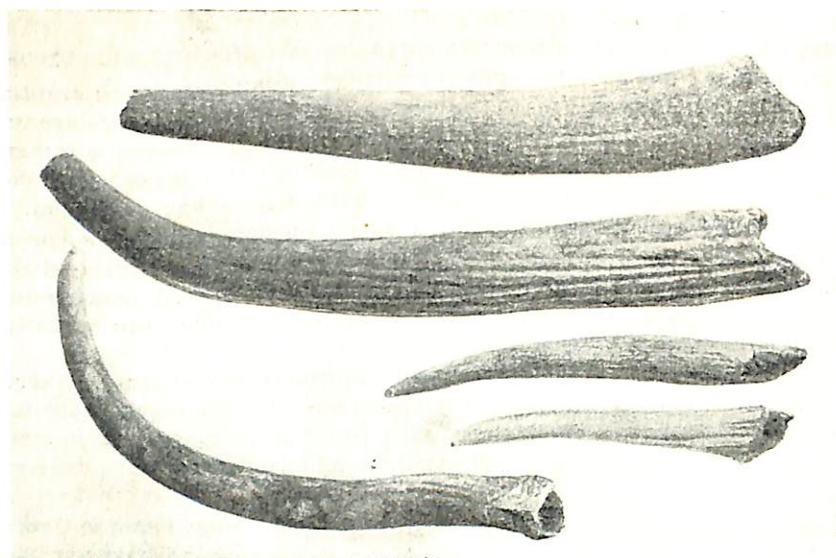

Рис. 1. Палеолитические костяные инструменты из с. Ловаш

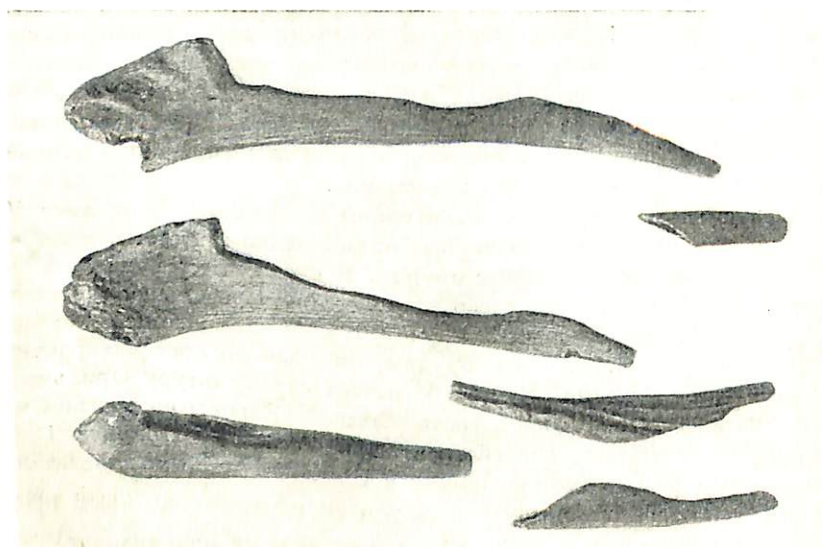

Рис. 2. Палеолитические костяные инструменты из с. Ловаш

горного козла, дикого кабана и оленя (рис. 1, 2). Среди костяных орудий встречаются орудия с украшениями. Преобладающим типом является большой горный инструмент, изготовленный из локтевой (ulna) кости; встречаются также кирки, шилья и т. д. Заслуживают внимание костяные хранилища для краски, рукоятки для орудий, изготовленные из рога *Megaceros*, и изготовленный из кости один долотоподобный наконечник копья. Местонахождение дало всего 15—20 каменных орудий, среди которых нахо-

дится наконечник копы в форме лаврового листа, который указывает на более высокую ступень солотрейской культуры типа Seleta. Поселения здесь не было обнаружено, повидимому, открытые орудия были некогда оставлены на рабочем месте. Остатки древесного угля, обнаруженные в узких трещинах доломитной скалы, указывают на то, что расщепление при помощи огня применялось уже в эту эпоху как один из приемов работы в горном деле.

Исследование фауны, древесного угля и накопленных остатков в трещинах позволяет датировать новый памятник серединой межледникового периода Вюрм I/II, приблизительно 80 000 гг. (± 5000).

Шахту села Ловаш человек использовал только в указанный период палеолита, сравнительно короткое время. Из двух открытых шахт было вынуто приблизительно 25 м³ красящего материала. Интенсивная разработка краски, высокий уровень технологии добычи разнообразными горными инструментами, кратковременное использование шахты вместе с значительным количеством добытого красящего материала позволяют сделать следующие наблюдения: 1. В жизни палеолитического человека красную краску следует рассматривать как жизненно важный материал, как весьма важный атрибут культурной жизни. 2. Найденные горные инструменты свидетельствуют о высоком уровне дифференциации орудий труда. 3. Последнее позволяет предполагать, что в палеолитической стоянке у села Ловаш могли существовать зачатки производства для обмена.

Изучение эпохи неолита в последнее время несколько отошло на задний план, в то время как проблемами медного века занимается большее количество исследователей. Важное значение для изучения эпохи бронзы в Венгрии имеют работы научного сотрудника Исторического музея И. Кутциан, которая раскопала кладбище в окрестностях деревни Полгар, к востоку от р. Тиссы. На кладбище, начиная с конца неолита, погребали покойников в течение нескольких столетий. Обряд погребения, керамика, орудия, оружие и украшения, найденные в могилах, ярко показывают последовательное и непрерывное развитие от ранней эпохи бронзы до ее конца. Дальнейшей задачей исследования является выяснение возникновения раннего медного века в нашей стране и связи этой культуры с Орешд-Кукутенской и Трипольской культурой, с культурой Сесккло-Димини и с культурой моравской расписной керамики. Эти исследования путем сравнения с культурой эпохи бронзы на Балканском полуострове должны точно установить хронологические границы эпохи бронзы в Венгрии.

В течение последних лет были подвергнуты исследованию несколько важных местонахождений баденской культуры, ознаменовавшей конец бронзового века. Наиболее важными в этой области являются исследования кладбища в Альшонемеди, результаты которых уже опубликованы¹. На этом кладбище обнаружены двойные погребения особей крупного рогатого скота. Недавно к северу от Будапешта было раскопано подобное кладбище той же эпохи (здесь вскрыто до сих пор 250 погребений), где обнаружены такие же двойные погребения животных. Одной из самых важных находок этого могильника является сосуд высотой в 8,1 см в форме воза. Он позволяет отнести появление повозки в нашей стране к концу эпохи бронзы (рис. 3).

Исследование скифской эпохи в Венгрии значительно продвинулось вперед, однако не выяснены еще вопросы о времени и путях движения скифов, об отношении скифов к местному, коренному населению, а также вопросы истории скифских поселений. Для разрешения упомянутых проблем важны раскопки двух могильников. Один из них находится около Таппоселе (на территории Большой венгерской низменности, между Дунаем и Тиссой), а другой около Сентеш-Векерзуг (в области Большой венгерской низменности, за р. Тиссой).

В могильнике Сентеш-Векерзуг раскопано до сих пор 97 могил, но кладбище еще

¹ Й. К о р е к, Могильник баденской культуры у с. Альшонемеди, Acta Arch., т. I, вып. 1—2, стр. 35.

не исчерпано¹. Встречаются два главных типа человеческих погребений: труположение и кремация. Особое значение имеют найденные здесь конские погребения. До сих пор было обнаружено всего 12 погребений лошадей, среди них три погребения с двумя конскими скелетами. В одном из последних были найдены железные детали повозки: обручи колес и железные части оси. Погребения людей ни разу не были обнаружены рядом с погребением лошадей. Повидимому, труны лошадей со сбруей хоронили обособленно на краю кладбища. На присутствие сбруи указывают найденные на конских скелетах железные удила и фалары различной величины.

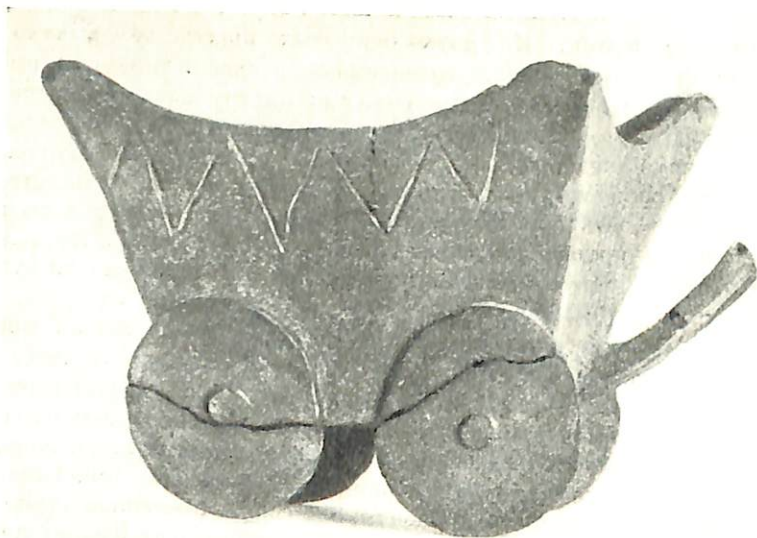

Рис 3. Глиняный сосуд в виде повозочки (Баденская культура) из Будакаласа

Разнообразие обрядов погребения (труположение, кремация) и сходство большинства находок с материалом памятников не только Венгрии, но и непосредственно примыкающих областей, иллирийской (боснийские могильники) или же фракийской культуры (Болгария) указывают на то, что могильник Сентеш-Векерзуг принадлежал как побежденному коренному населению, так и скифам.

На основании погребальных обрядов и могильного инвентаря можно отнести иммиграцию группы скифов в Векерзуг ко времени около 550 г. до н. э. К характерным скифским предметам относятся известные золотые изображения оленей из Зельдахаломпуста и Ташиосентмартона, а также бронзовые зеркала, украшенные головами животных или же фигурками животных, украшения колчанов, спиральные серьги с коническим или луговичным концом, трехгранные бронзовые стрелы. Характерным скифским признаком этой группы являются упомянутые погребения лошадей. Можно полагать, что человеческие погребения с сожжением без урны и, в меньшем количестве, захоронения с лежащим на спине покойником (ориентация запад—восток) должны считаться скифскими. На кладбище Векерзуг богатая могила женщины с кремацией без урны была покрыта бревнами. Этот вид погребения можно сравнить с могилами скифов Поднепровья.

Предположение, что скифы впервые пришли в Трансильванию около 600 г. до н. э., весьма вероятно. Население Векерзуга следует отнести ко второй волне, которая также через Трансильванию пришла к нам. Нам кажется, что эта часть скифов пришла в Венгрию откуда-то из области Киева.

¹ См. работу заведующего отделом Исторического музея М. П а р д у ц, Могильник гальштаттской эпохи в Сентеш-Векерзуг, Acta Arch., т. II, вып. 1—3, стр. 143—183.

Простирающаяся к западу от Дуная часть нашей родины в свое время входила в Римскую империю как provincia Pannonia. Одной из важных задач венгерской археологической науки является исследование экспансии рабовладельческой Римской империи, изучение взаимоотношений угнетенного коренного населения и римских завоевателей, проблемы гибели рабовладельческого общества в Паннонии.

В северной части Будапешта, на одном из островов Дуная в прошлом столетии при постройке судостроительного завода были обнаружены древние строительные остатки.

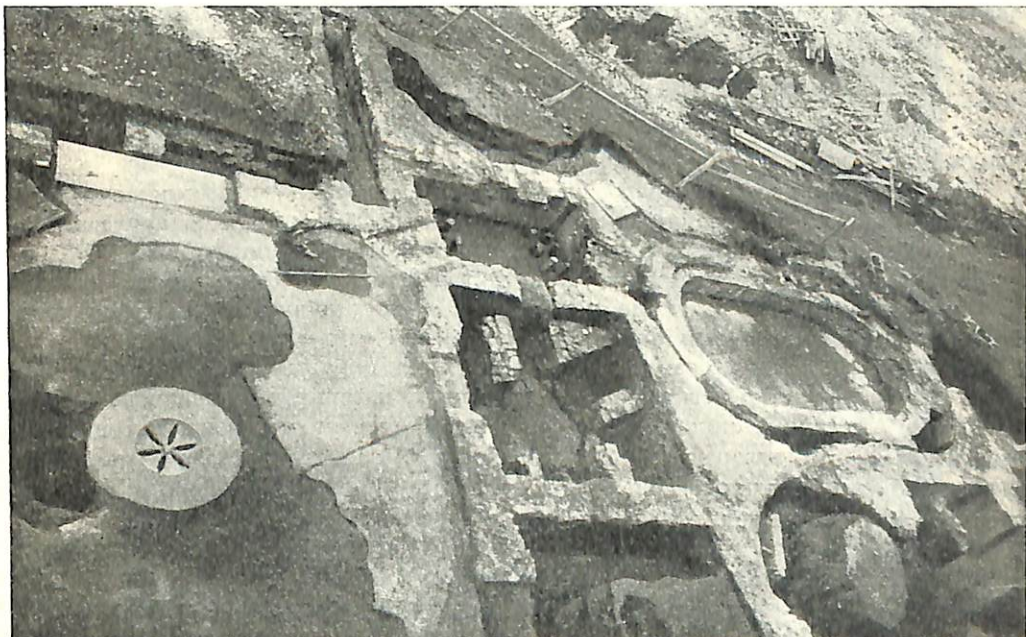

Рис. 4. Аквинкум. Остатки дворца римского наместника

В 1941 г. вновь были найдены куски фресок и остатки мозаичного пола античного времени. Основательное обследование выяснило, что тут находится большой строительный комплекс, который венгерские исследователи отождествляли с резиденцией римского наместника в Паннонии (*legatus Augusti pro praetore*).

Проведенными в 1951—1953 гг. планомерными раскопками удалось открыть две трети всей резиденции наместника (рис. 4). Раскопки проходили под руководством директора музея в Аквинкуме (Будапешт) Я. Силады.

Все сооружение имеет в направлении с востока на запад 108 м, ширина его в направлении с севера на юг 70 м. Археологи установили, что здание имеет четыре строительных периода и что главный комплекс был завершен только постепенно, в течение почти 50 лет.

От первого строительного периода было обнаружено до сих пор только одно строение с каменными стенами. Теперь в середине южного крыла в юго-западном углу маленького двора, под руинами небольшого святилища были найдены остатки стен святилища более раннего времени, имеющие иную ориентацию. По всей вероятности, это древнейшее святилище было сооружено местным населением.

Ко второму строительному периоду относится овальный бассейн для купанья.

Строения третьего строительного периода составляют в собственном смысле дворец. По всей вероятности, первый наместник провинции *Pannonia inferior* Адриан, ставший потом императором, начал строительство дворца в 107 г. н. э. Сперва было построено восточное крыло с угловой башней и портиком в стиле городской виллы (*villa urbana*). На втором этапе третьего строительного периода были построены все южное

крыло и восточная часть северного крыла. Тогда же в середине северного крыла был построен комплекс ваннх комнат.

Относительно продолжительности существования здания можно делать только предположения. Материалов IV в., так же как и следов строительной деятельности этого периода, не обнаружено, следовательно, дворец в середине IV в. уже не был обитаем.

Семь комнат восточного крыла имели роскошные мозаичные полы с геометрическим орнаментом. Стены нижнего помещения были украшены фресками. Помещения отапливались посредством гиппокауст. В остатках южного крыла здания найден утрамбованный глинобитный пол; здесь отопления не было, стены помещений не имели росписей: в этих помещениях, повидимому, жил обслуживающий персонал, охрана и т.д. На среднем, большом, дворе располагались термы, и здесь было построено святилище культа императора. Найденный в руинах этого святилища торс из известняка, повидимому, изображает императора Марка Аврелия.

Из находок во дворце следует отметить, в первую очередь, известняковую статую Немезиды-Фортуны (в половину человеческого роста). Прическа типа прически Фаустины позволяет отнести статую ко второй половине II столетия (рис. 5)

Мозаичный пол с фигурами животных украшал только восьмиугольный зал термы. Сохранившиеся фрески можно, повидимому, отнести ко времени последней реставрации дворца, происходившей в первой половине III в. н. э.

В южном крыле около забора маленького двора, окружающего небольшое святилище, было обнаружено несколько алтарных плит, которые установили наместники.

Южнее Аквинкума, столицы провинции, на месте нашего теперешнего социалистического города Сталинвароша была расположена на западном берегу Дуная важная пограничная крепость и поселение Интерциса¹. На этом месте научные работники Исторического музея проводили с 1949 г. крупные раскопки.

В начале II столетия римляне построили здесь лагерь с системой земляных укреплений и рвов, а затем, приблизительно во время Адриана, — постоянный лагерь, стены которого были сложены из камня. Гарнизон этого лагеря с конца II в. состоял из Cohors I. mill. Nemesenorum, которая происходила из сирийской Эмесы. Лагерь несколько раз был разрушен. К 374—375 гг. относятся самые поздние монетные находки на территории лагеря, что, однако, не означает его разрушения, а также гибели поселения, расположенного по соседству. С начала V в., после оставления провинции Valeria, никаких данных относительно дальнейшей истории лагеря не имеется.

Что касается взаимоотношений местного коренного населения и римских провинциальных властей, мы смогли установить следующее: на том месте, где поселились римляне, местное кельтское население не имело поселения. Раскопки подтвердили это обстоятельство. Эпиграфический материал, который в большом количестве (около 300 надписей) был обнаружен в Интерцисе, доставляет изрядное число кельтских имен, однако, только I—II вв. н. э. Эти кельты могли быть или ремесленниками из многочисленных кельтских поселений, находившихся в окрестностях, или же это жители соседних вилл, являвшиеся свободными земледельцами. Достоверным является то, что те кельты, которые ставили роскошные надгробные памятники, принадлежали к состоятельному слою населения. Около конца II в. кельтские имена в надгробных и других надписях почти исчезают. После этого в опомастике преобладают главным образом восточные имена (praenomen и nomen Марка Аврелия, а cognomen — восточный, во многих случаях семитский). Часто встречается точное указание на восточное происхождение. Эпиграфический материал иссякает в конце III в. Надписи сообщают также имена некоторых рабов и вольноотпущенников.

На общественные отношения IV столетия бросают свет данные, полученные при исследовании некрополей. В могильниках Интерцисы находится большое количество таких могил, инвентарь и антропологический материал которых указывает на сармат-

¹ «Intercisa I (Dunapentele — Sztálinváros), Geschichte der Stadt in der Römerzeit», *Archaeologia Hungarica*, XXXIII, 1954.

Рис. 5. Аквинкум. Статуя Немезиды (вторая половина II в. н. э.)

ское заселение, жившее на другом берегу Дуная. Подобных могил открыто сейчас 204. Сарматская керамика была обнаружена также и в верхних слоях лагеря. Монетный материал упомянутой группы из 204 погребений кончается монетами Валентиниана I, следовательно, заселение произошло до его правления.

Согласно письменным источникам закрепление колонов¹ в дунайских провинциях произошло в период Валентиниана I. Археологический материал Интерцисы подтвер-

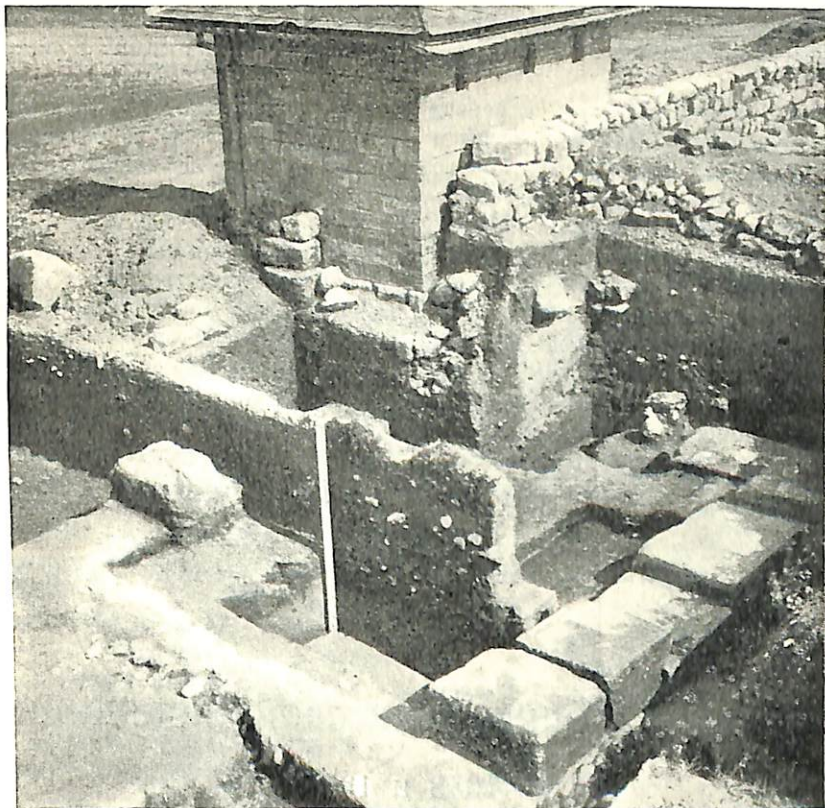

Рис. 6. Ворота римского лагеря Кампона (II в. н. э.)

ждает достоверность вселения колонов и время этого события. При таких обстоятельствах свидетельство источника (Cod. Theod., III, 1, 42) о запрещении браков между населением правого и левого берегов Дуная можно отнести и к нашей территории. Таким путем римляне стремились воспрепятствовать тому, чтобы, при постоянно обостряющейся классовой борьбе, колонны получали поддержку от своих родственников, живших на левом берегу Дуная. Следовательно, мы можем констатировать, что разработка материала из Интерцисы в значительной мере послужила выяснению хозяйственных и общественных отношений Паннонии, важной провинции Римской империи.

Систематические раскопки лагеря Кампона (Carnpona), расположенного к югу от Аквинкума, начал в 1950 г. автор этих строк. На территории лагеря происходили раскопки в течение приблизительно двух десятилетий, которые выяснили размер лагеря и одни из его ворот (porta praetoria). Лагерь расположен на правом берегу Дуная, он имеет форму четырехугольника размером 220×185 м. Но кроме этих предваритель-

¹ Codex Iustinianus, XI, 53(52).

ных данных, мы ничего не знали об истории лагеря. Раскопки, проведенные в течение двух лет, дали очень ценные материалы по этому вопросу. Керамика и другие обнаруженные материалы показывают, что постоянный лагерь с каменными укреплениями был основан 1-й фракийской алой в начале II в. н. э., во время Адриана. Относительно времени возникновения раннего земляного лагеря определенных данных нет.

Лагерь имел четверо ворот (рис. 6). В нескольких местах мы имели возможность проследить конструкцию стен. Так, например, у одних ворот фундамент стены состоял из небольших камней, на нем была построена стена из крупных обтесанных квадров. Углы лагеря первоначально имели закругленную форму; башни, прикрывавшие ворота, выступали из общей линии стен на $\frac{2}{3}$ своей ширины. Удалось открыть и систему рвов лагеря.

Во время Марка Аврелия, в период большого сарматского нашествия, лагерь был разрушен, как показывают следы пожара у башен и на территории лагеря. После этого на углах лагеря были пристроены выступающие небольшие круглые башни. В конце III и в начале IV в. рвы лагеря были засыпаны, и кое-где на их месте были сооружены громадные веерообразные башни, которые в двух углах удалось раскрыть. Во второй половине IV в. н. э., вероятно во время правления Валентиниана I, гарнизон лагеря в такой мере сократился, что уменьшили количество ворот: в это время *porta principalis sinistra* и *dextra* были замурованы огромными подковообразными валами. Начиная с этого времени дорога (*limes*) не проходила через лагерь, а обошла его. Для более позднего периода жизни лагеря мы имеем только косвенные данные, позволяющие заключить, что в лагере жизнь продолжалась даже в V—VI вв. н. э.

Заканчивая обзор работ венгерских археологов, отметим, что эти новые исследования послужат важным источником для создания истории древнего населения нашей страны, истории, построенной на применении законов марксистско-ленинской исторической науки.

Ф. Фюлеп (Венгрия)

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ МЦХЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

(1937—1948 и 1951 гг.)

Институт языка, истории и материальной культуры Грузинской Академии наук с 1937 г. развернул обширные археологические исследования на территории древней столицы Грузии — Мцхеты. В 1939—1940 гг. этими работами руководил покойный акад. И. А. Джавахишвили, а в 1940—1947 гг. покойный акад. С. Н. Джанашиа. Открытый материал позволяет решить ряд задач, отвечающих важнейшим запросам советской исторической науки; в сотнях вскрытых экспедицией погребений обнаружено огромное количество самых разнообразных предметов, характеризующих производство, быт и культуру населения начиная со II тыс. до н. э.; найдены высокоценные изделия ювелирного мастерства, открыты образцы новых писем¹ и исключительные архитектурные памятники.

Настоящее краткое сообщение посвящено древним монетам из Мцхеты. Являясь предварительным, оно не претендует на исчерпывающую полноту, так как дает лишь общую характеристику материала: краткие сведения о количестве найденных монет, их хронологические данные, определения и справки о месте находки. Эти сведения собраны в таблицах, лишь в некоторых случаях дополненных краткими примечаниями. Укажем, что исследуемый нумизматический материал происходит из различных

¹ Г. В. Церетели, Армазская билингва, Тбилиси, 1941.

мест, раскапывавшихся Мцхетской археологической экспедицией. Каждый пункт в наших таблицах обозначен специальной условной литерой.

Работы производились прежде всего на территории Самтаврского некрополя (в 1938—1941 и 1946—1948 гг.), в свою очередь, разбитого на два участка: а) северный (на таблицах условно обозначен N—Nord), руководитель А. Н. Каландадзе; б) южный (условно—S—Sud), руководитель покойный М. М. Иващенко. В 1948 г. были произведены значительные работы и в самом местечке Мцхете, против здания районного комитета партии (условно — Н. Н.).

Другое место раскопок расположено в 2 км западнее ж.-д. станции Мцхета у устья Армазского ущелья (условно —А), где работами руководили А. Н. Каландадзе (1937—1940 гг.), А. М. Анакидзе (1941 г.) и Е. А. Ломтатидзе (1943—1946 гг.).

Далее, в 1943—1948 гг. под руководством А. М. Анакидзе велись работы на Багинети — территории Армазского акрополя, расположенного на горных склонах и террасах восточнее ж.-д. станции Мцхета (условно — Б).

За отчетный период экспедицией добыто в общей сложности 236 монет, из них: 38 золотых, 177 серебряных и 21 медных. Характерна малочисленность медных монет, особенно если учесть, что десять из них хронологически оторваны от общей массы тысячелетним и даже более долгим промежутком времени.

Обращает на себя внимание значительный процент низкопробных и так называемых субератных монет, особенно обильных среди денариев, битых именем Октавиана Августа, что весьма интересно в связи с тем, что они, как известно, очень успешно конкурировали с парфянскими драхмами, изготовленными из лучшего металла. Являлось ли это следствием завоза таких монет лицами, рассчитывавшими на принудительный сбыт, или же эти монеты надо рассматривать как первоначальные ступени местных подражаний, получивших в дальнейшем в Грузии распространение, — ответить на это с уверенностью пока нельзя. Известным подтверждением последнего предположения служат монетные комплексы некоторых погребений.

С первого же взгляда на прилагаемые таблицы I—V обращают на себя внимание совместные находки монет, отдаленных друг от друга значительным промежутком времени: так, например, в погребениях S30, S89 и S144 Самтаврского некрополя (см. табл. I) вместе с монетами первой половины I в. н. э. (денарии Августа и драхмы Готарза) оказались денарии Антонина Пия (138—161 гг.), Фаустины (†141 г.) и даже сасанидская драхма Шапура I (238—265 гг.). Если эти случаи могут вызвать какие-либо сомнения и появление более поздних монет вместе с значительно более ранними может быть объяснено случайным их проникновением из хронологически поздних слоев, то в этом отношении монетные комплексы армазских погребений № 3, 6 и 9 (табл. II) весьма надежны — они происходят из каменных ящиков и саркофагов, инвентарь которых сохранился нетронутым.

И здесь с монетами Августа и Готарза часто встречаются ауреусы конца II, а в одном случае даже второй половины III в. Почти такую же картину дает состав монет багинетского саркофага (табл. II), а потому говорить о случайности, конечно, не приходится. Совместное захоронение монет, отдаленных друг от друга промежутком в два и больше столетия, фиксировалось и раньше. Но при отсутствии документальных данных мы не имели возможности придавать этим комплексам должное значение, а иногда относились к ним даже с недоверием. В результате работ Мцхетской археологической экспедиции это явление теперь приобрело неоспоримую достоверность, что ставит перед нами задачу дать ему объяснение.

Наблюдения над степенью сохранности монет позволяют думать, что эти как будто настоящие, так называемые «оригинальные», денарии Августа и драхмы Готарза продолжали чеканиться если не в III, то, во всяком случае, во II в. Таким образом, тут повторяется то же, что было и с посмертными статерами Александра Македонского и Лисимаха, выпуск которых, как это установлено, продолжался по меньшей мере два столетия после смерти упомянутых монархов¹. Нам представляется возможным

¹ А. Н. Зограф, Статеры Александра Македонского, ТОАГЭ, I (1945), стр. 86.